Содержание

От автора,
или Что такое «Неигрушечные истории»? 6

Глава 1. Истоки 11

Глава 2. «Портрет» игрушки 19

Глава 3. Избушка-игрушка 59

Глава 4. Главный «Аэропорт» 64

Глава 5. «Автобус» коммивояжера 72

Глава 6. В кукольной стране? 79

Глава 7. «Чкалов — Перемишль» 99

Глава 8. «Буланка» Кандинского 108

Глава 9. «Ваше слово, товарищ Трактор!» 114

Глава 10. Волшебная литография 164

Глава 11. Блокадный ЗИС 191

Глава 12. Советский Meccano 197

Глава 13. Игрушки моего папы 216

Глава 14. Одиннадцать правил коллекционера 241

Заключение 246

Избранная библиография 247

От автора, или Что такое «Неигрушечные истории»?

Некоторые авторы в предисловиях к своим книгам непременно отмечают: «она сугубо личная». Последую их примеру и я. «Не*игрушечные истории*» действительно повествуют исключительно о моих персональных наблюдениях, поисках, открытиях и выводах, а также стремлении, как писал Александр Родченко, «видеть необыкновенно обыкновенные вещи». С другой стороны, такая «сугуболичность» изложения подразумевает ответственность за все написанное, которую я с удовольствием на себя принимаю.

Этот сборник историй и очерков задумывался лет пятнадцать тому назад, еще в другой жизни.

А до этого была мечта. Мечта об исследовательском междисциплинарном выставочном проекте-размышлении с обязательным участием советской промышленной игрушки 1930–1950-х. В силу разных обстоятельств проект так и остался нереализованным, в частности из-за того, что в тот момент не смог бы объединить под одной крышей все мои причудливые замыслы и утопические «преждевременные» (как их называли некоторые кураторы) идеи. По этой причине и освежив в памяти «Воображаемый музей» Мальро, я решил выбрать бумагу, которая, как известно, «все стерпит, когда перо пишет».

Старинные игрушки были и продолжают оставаться для меня не только предметом концептуального коллекционирования и попыткой сохранить материальные

приметы времени: они прежде всего малоизученные[1] памятники ушедшей эпохи, наполненные художественными, идеологическими и историческими смыслами и представляющие увлекательный и нетривиальный материал для исследователя.

Художник, собиратель, подвижник, «дядя музей»[2] Николай Бартрам описывает игрушку как «зеркало жизни»[3], как детский мир, представляющий собой модель предметного мира взрослых. Александр Бенуа в статье на страницах журнала «Аполлон» отмечает, что «игрушки имеют свою судьбу, как и всякое иное художественное произведение»[4]. Юрий Лотман также постулирует игрушку как «универсалию культуры»[5]. В эссе «Философия игрушки» (1853) Шарль Бодлер справедливо утверждает, что «игрушка, по сути своей, является первым приобщением ребенка к искусству». А один из первых российских «игрушковедов», исследователь детской книги, врач-психиатр и коллекционер Лев Оршанский, «изучал специально игрушку как произведение искусства»[6] и посвятил этому ряд своих печатных работ.

Таким образом, Бартрам и Бенуа, Лотман, Бодлер и Оршанский в своем осмыслении игрушки стремятся выйти

---

[1] Это не относится к кустарной народной игрушке, которой посвящены многие исследования, книги и диссертации.

[2] Именно так дети обращались к Н.Д. Бартраму, создателю Музея игрушки в Москве (1918 г.). Сейчас Музей игрушки находится в г. Сергиев Посад.

[3] *Бартрам Н.Д.* Музей игрушки: об игрушке, кукольном театре, начатках труда и знаний и о книге для ребенка. Л.: Academia, 1928.

[4] *Бенуа А.* Игрушки // Аполлон. 1912. № 2.

[5] *Лотман Ю.М.* Куклы в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992.

[6] *Оршанский Л.Г.* Игрушки. Статьи по истории, этнографии и психологии игрушек. М.; Л.: Гос. изд-во, 1923.

за пределы установленных границ «детского» и представить нам более объемную картину этого уникального культурного явления.

Во многом такой взгляд близок мне и моему представлению и изучению игрушки, считавшейся до недавнего времени лишь привычной малозначимой детской забавой[1], которую не принято воспринимать всерьез. При этом двигало мною не бунтарское чувство, а любопытство и желание изменить устоявшуюся парадигму и сквозь призму игрушки по-новому взглянуть на события первой половины XX столетия. Так сложились мои истории, рассказывающие не только и не столько о самих игрушках. Мне было интересно соединить, казалось бы, несопоставимое, поместив игрушку как полноценный исторический объект в разные углубленные контексты, рассматривая ее с социальной, культурной и художественно-эстетической точек зрения, сделав полноправным героем своего времени, которому наконец-то «дали слово».

При этом важно понимать: мной не ставилась задача рассказать историю или масштабно показать эволюцию советской игрушки. Книга лишь отчасти затрагивает и прослеживает некоторые ее аспекты и этапы.

Мои истории разные по содержанию и объему. Одни очень короткие, в то время как другие могут показаться излишне длинными, изобилующими деталями и фактами. Хорошая новость, однако, состоит в том, что у читающего всегда есть и остается возможность перелистнуть страницу.

В одних рассказах предпринята попытка переосмыслить игрушечное наследие и расшатать стереотипы,

---

[1] Интересно: в 1930-е в советских игрушечных магазинах висели лозунги: «Игрушка не только забава, но и польза».

сочетая искусствоведческий подход с социально-антропологическим. В других — рассматриваются картинки бытования и судьбы знаковых или наиболее примечательных, по мнению автора, экземпляров, включая простые житейские наблюдения, семейные и детские воспоминания. Что-то списано с натуры, что-то расцвечено авторским воображением. Так или иначе, игрушка выступает здесь как самостоятельный организм, являясь главным связующим и объединяющим звеном всех представленных историй, читать которые (вторая хорошая новость) можно в любом порядке. Единственным исключением, пожалуй, является это предисловие. Я бы начал с него. С другой стороны, если вы уже дочитали до этого места, в авторских рекомендациях вы не нуждаетесь.

Ну и, наконец, третья хорошая новость. Для любителей смотреть картинки спешу сообщить, что издание богато иллюстрировано, а некоторые представленные объекты и фотографии либо малоизвестны, либо публикуются впервые.

Адресованная как широкому кругу читателей, так и специалистам, данная публикация открывает совершенно новую страницу в изучении и рельефном осмыслении советской игрушки 1930–1950-х годов, впервые фокусируя внимание на абсолютно непривычных и, на первый взгляд, противоречивых контекстах и выводах.

Хочу надеяться, что рассказанные мной неигрушечные истории и обозначенные темы, а также представленные материальные и визуальные свидетельства дадут импульс дополнительным исследованиям, пробудят интерес и привлекут внимание неравнодушных знатоков, искусствоведов и кураторов и когда-нибудь лягут в основу выставочного *проекта-мечты* с игрушкой в главной роли.

Эта книга — дань памяти моим незабвенным и горячо любимым родителям и дедушке.

Я также посвящаю ее моему другу-единомышленнику, тонкому коллекционеру, глубокому знатоку и ценителю прекрасного Петру Навашину, безвременный уход которого меня выпотрошил и подкосил, человеку, который до последних своих дней продолжал горячо поддерживать мое начинание и так ждал выхода этой книги.

Я безмерно благодарен своей семье и прежде всего жене, Евгении Верба, — моему источнику знаний, любви и вдохновения.

Выражаю признательность замечательному художнику и исследователю Евгению Стрелкову за мотивацию и помощь.

Мои слова благодарности куратору и редактору серии «Очерки визуальности» Галине Ельшевской и издательству «Новое литературное обозрение», проявившим искреннюю заинтересованность в выбранной мною теме.